

Они пошли вдоль пляжа. Зелёно-голубые волны с набегающим шумом падали на песок, солнце, солнце было везде, земля быстро обсыхала, и тёплый золотой ветер ласкал щёки.

Катя просунула руку под локоть Дмитрия и сказала:

— Вот что, Митя! Что ты вчера рассказал про себя, про Марка,—это что-то такое огромное,—как будто все эти горы вдруг сдвинулись с места и несутся на нас. Я всю ночь думала. Это и есть настоящая война. Если люди могут друг друга убивать, всё жечь, разрушать снарядами, то пред чем можно тут остановиться? Так уж много нарушено, что остальное пустяки. А когда идут рыцарства и всякие красные кресты, это значит, что такие войны изжили себя и что люди сражаются за ненужное. И знаешь, мне начинает казаться: когда победитель бережно перевязывает врагу раны, которые сам же нанёс,—это ещё ужаснее, глупее и позорнее, чем добить его, потому что как же он тогда мог колоть, рубить живого человека? Настоящая война может быть только в злобе и ненависти, а тогда всё понятно и оправдательно.

Дмитрий слушал с серьёзным лицом, с улыбающимися для себя тонкими губами.

— Это оригинально.

— Нет, это правда. И вот, Митя... Те матросы,—они били, но знали, что и их будут бить и расстреливать. У них есть злоба, какая нужна для такой войны. Они убеждены, что вы—«наёмники буржуазии» и сражаетесь за то, чтобы оставались генералы и господа. А ты, Митя,—скажи мне по-настоящему: из-за чего ты идёшь на все эти ужасы и жестокости? Неужели только потому, что они такие дикие?

В глазах Дмитрия мелькнули страдание и растерянность, как всегда при таких разговорах.

— Это, Катя, сложный вопрос.

— Ничего не сложный.

Дмитрий украдкой оглянулся, поднёс Катину руку к губам и шёпотом сказал:

— Зачем, зачем теперь об этом говорить? Катя! Так у нас мало времени,—давай забудем обо всём. Когда мы опять свидимся! А мы будем ворошить то, чего всё равно не изменить... Вот дача Агаповых. Зайдём.

— Я с какой стати? Не хочу я к ним. Я тебя здесь подожду.